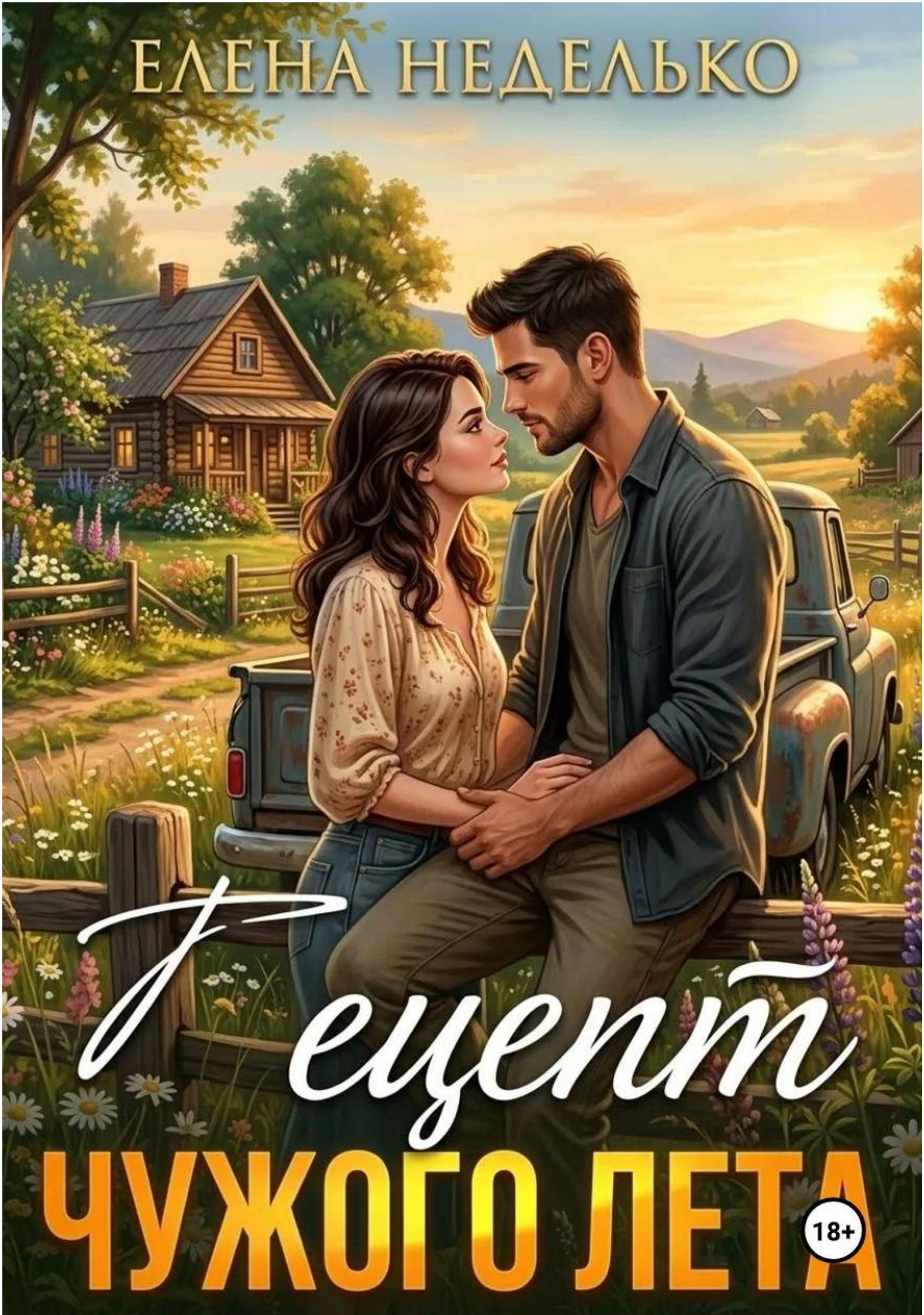

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО
Рецепт
ЧУЖОГО ЛЕТА
18+

Елена Неделько

Рецепт чужого лета

«Автор»
2026

Неделько Е.

Рецепт чужого лета / Е. Неделько — «Автор», 2026

Она сбежала в тишину залесских болот, надеясь спасти свою свободу. Но деревня встретила ее мертвым псом на пороге и соседом-пасечником, чьи глаза хранят больше тайн, чем разрушенная часовня за его садом.Вместо деревенского покоя — смертельная ловушка из кедровой смолы и пчелы, собирающие лазурит. Когда украденные ульи приведут их к разгадке сокровищ старообрядцев, ледяной пруд станет единственным спасением от разъяренного роя и местом, где городская реставратор поймет: самый опасный пигмент здесь — это притяжение между ней и человеком, который прячет топор не только от незваных гостей. Вот только посылка «Хрупкое. Из Петербурга», прибывшая на имя умершей травницы, грозит уничтожить их обоих раньше, чем они успеют сделать первый вдох после поцелуя.

© Неделько Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Елена Неделько
Рецепт чужого лета

Глава 1

Арина сбежала из Петербурга не от полиции — с полицией она как раз договорилась. Она сбежала от сочувствующих взглядов реставрационного совета, запаха валерьянки в кабинете директора и навязчивого шепота коллег за спиной: «А ведь такая тихая девочка была».

Тихие девочки обычно не находят под слоем олифы вековую подделку ценой в три миллиона долларов прямо перед тем, как икону продают на закрытом аукционе.

Деревня Залесье встретила ее разбитым асфальтом, который закончился ровно у знака «Спасибо за визит», и коровой, меланхолично жующей лопух посреди главной улицы.

Дом травницы бабы Зины выглядел так, будто пережил татаро-монгольское нашествие, революцию и программу газификации девяностых годов. Высокое резное крыльцо покосилось, наличники облупились до серой кости, а на крыше росла вполне уверенная в себе березка. Арина выдохнула, поправила рюкзак, из которого торчал штатив микроскопа, и дернула за кованое кольцо.

Дверь открылась сама. На пороге лежал пес. Огромный, лохматый дворянин волчьего окраса. Он был мертв. Абсолютно, окончательно и бесповоротно мертв, о чем свидетельствовала остекленевшая каряя глазница, смотрящая прямо на грязные кроссовки Арины.

— Замечательно, — вслух сказала Арина. — Я даже порог переступить не успела.

Она аккуратно перешагнула через труп животного, занесла ногу над следующей половицей и замерла. В собачьей пасти, смешиваясь с пеной, поблескивала густая янтарная смола. Кедровая живица. Кто-то заботливо забил челюсти пса этой клейкой массой, словно пытался облегчить ему страдания перед смертью. Или заставить замолчать.

— Чтоб тебя, Полкан, — раздался сверху густой мужской бас. — Опять ты мне крыльцо украсил.

На второй ступеньке стоял мужчина. И если мертвый пес был неприятной деталью интерьера, то этот тип сам по себе тянул на стихийное бедствие. Ему было около тридцати пяти. Потертые джинсы висели на узких бедрах, закатанные рукава фланелевой рубашки открывали загорелые руки, покрытые жестким темным волосом, а на плече он держал топор. Не декоративный сувенир для колки щепок, а настоящий тяжелый колун. Взгляд у мужчины был такой же тяжелый — серый, оценивающий, скользящий по фигуре Арины снизу вверх, задержавшийся на микроскопе и остановившийся на лице.

— Вы хозяин? — спросила Арина, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Сосед, — хмыкнул мужчина. — Макар. А вы, надо полагать, та самая городская племянница, которая боится мышей? Зина предупреждала, что приедет бледная немощь. Но про любовь к падали на пороге речи не было.

— Это ваша собака?

— Была наша общая. Теперь ничья. Вы его боитесь?

— Меня больше интересует кедровая смола у него в зубах. У вас тут ритуальные убийства практикуют вместо сбора урожая?

Макар медленно спустился вниз. От него пахло дымом, гречневым медом и чем-то терпким, похожим на скошенную полынь. Он присел на корточки рядом с Полканом, бесцеремонно потрогал желтую массу пальцем, понюхал и вытер руку о собственные джинсы.

— Ритуалы, значит, — протянул он, поднимаясь. Его рост оказался неожиданно внушительным. — Смолу я вчера вечером покупал. Десять банок. Для омшаника. Пчел лечить. Хотите сказать, кто-то ночью пробрался ко мне, украл банку, пришел сюда и художественно забил ею псу рот? Логичнее предположить, что Полкан сам залез мордой в кадку с лекарством, подавился и издох. Собаки вообще мало думают, прежде чем есть.

— Ваша логика безупречна, — съязвила Арина. — Осталось только найти эту мифическую кадку. Кстати, где баба Зина? Мне нужно заселиться, принять душ и желательно выпить чего-нибудь покрепче местной воды. Желательно сорок градусов.

— Бабу Зину увезли в район. Камень в почке. Вернется через неделю. Дом ваш, ключи под правым углолком коврика у двери. Только воду сначала прокачайте, там ржавчина.

— А душа нет?

— Есть. Ведро и ковшик на печи. Привыкайте к аутентичности.

Он развернулся, собираясь уйти обратно во двор, откуда действительно доносилось низкое, мерное гудение.

— Постойте, — окликнула Арина. — Если это ваша собака… Ее нужно похоронить.

Макар обернулся. Солнце садилось за яблоневый сад, окрашивая его лицо в золото. Впервые за все время на его губах дрогнуло нечто похожее на улыбку.

— Деревенские традиции усваиваете быстро. Похороните. Лопата стоит у сарая. Могилу копать метра на полтора, иначе лисы раскопают. Будете проходить мимо моего забора — заходите. Покажу вам пасеку. Расскажу, почему пчелы терпеть не могут запах городского парфюма и синтетических носков. Может, тогда перестанете смотреть на меня как на подозреваемого номер один.

С этими словами он скрылся за забором. Через секунду оттуда вылетела пчела и целенаправленно спикировала на волосы Арины. Та взвизгнула, рухнула на четвереньки прямо на крыльцо, чудом обогнув покойного Полкана, и начала судорожно хлопать себя по голове.

Спустя минуту панической пляски, когда насекомое наконец отстало, Арина поднялась, отряхивая ладони. Дверь соседского дома снова скрипнула. Макар стоял на своем крыльце, опираясь на топор, и откровенно ржал. Не усмехался, не сдерживал улыбку — сгибался пополам от беззвучного хохота, утирая выступившие слезы.

— Городская племянница, — выдавил он. — Первый час в деревне, а уже похоронила собаку голыми руками и чуть не сожгла шевелюру, отбиваясь от одной-единственной пчелки. Заходи на чай, горе-племянница. Мед свежий качнул. Без всякой живицы, гарантирую.

Арина посмотрела на свои перепачканные землей руки, на закрытую дверь чужого дома, ключ от которой предстояло искать под старым пыльным ковриком и на этого невозможного мужика с топором. Внутри боролись остатки гордости московской искусствоведши и первобытный инстинкт, требовавший горячего чая после такого вступления.

— У меня аллергия на укусы! — крикнула она первое, что пришло в голову.

— Тогда тебе точно нельзя умирать здесь, — отозвался Макар. — Ближайший антигистаминный препарат в районе, а аптека закрывается через час. Решай быстрее, городской детектив. Темнеет.

Арина вздохнула, подобрала свой рюкзак и пошла к сараю за лопатой. Похоже, неделя в Залесье обещала быть гораздо интереснее, чем полгода условного срока. По крайней мере, скучать ей явно не дадут. Ни живые соседи, ни мертвые собаки.

Глава 2

Лопата оказалась старше самой бабы Зины. Черенок был отполирован до блеска, а штык выглядел так, словно им не землю копали, а пытались вскрыть ворота Трои. Арина кинула на орудие труда скептический взгляд. В ее прошлой жизни самая тяжелая физическая нагрузка заключалась в перетаскивании мольбертов и оттирании олифы растворителем.

— Полтора метра, — напомнила она себе вслух, глядя на лохматый бок мертвого Полкана. — Иначе лисы раскопают. Господи, почему я вообще это делаю?

Земля поддаваться отказывалась. Она состояла из плотной глины, переплетенных корней старой яблони и камней, которые, казалось, росли прямо из-под земли навстречу лезвию. Через десять минут Арина стояла, уперевшись ладонями в колени, тяжело дыша. Спину ломило, а вырытая яма напоминала скорее оскорбительную царапину на теле огорода.

Из-за забора показалась голова Макара. Он облокотился на штакетник, жевал травинку и наблюдал за процессом с видом сытого кота, смотрящего на пытающуюся поймать его хвост муху.

— Ты носок-то сними, — лениво посоветовал он. — Или каблук вытащи из ботинка. Так рыть сподручнее.

— Я археолог-реставратор, а не землекоп! — пропыхтела Арина, пытаясь воткнуть лопату между двумя особо упрямыми корнями. Инструмент жалобно звякнул. — У меня руки для микроскопа созданы!

— Оно и видно, — хмыкнул Макар. — Дай сюда.

Он перемахнул через забор одним плавным движением, отобрал у нее черенок и вонзил штык в землю без всякого размаха. Земля глухо чавкнула и расступилась.

Арина села прямо на крыльцо рядом с покойником, подтянула колени к груди и стала наблюдать. Это было завораживающе. Макар работал не силой мышц, а каким-то внутренним ритмом. Поворот плеча, наклон, бросок земли вбок. Ни капли пота на лбу, хотя рубашка уже потемнела на спине.

— Вы их всех так хороните? — спросила она, чтобы заполнить тишину, в которой особенно громко гудели комары.

— Только тех, кто при жизни гадил мне под калитку, — отозвался Макар, выбрасывая очередной пласт глины. — Остальные идут в общую канаву за выгоном. Там Полкану было бы веселее.

— А смола? Вы правда думаете, что он сам залез мордой в банку?

Макар остановился, оперся на черенок и посмотрел на нее сверху вниз. Солнце окончательно село, и в сумерках его глаза казались почти черными.

— Я думаю, городской детектив, что ты задаешь слишком много вопросов для человека, который прячется. Баба Зина сказала, ты иконы спасаешь. От чего спасала свою физиономию ты сама, когда садилась на утреннюю электричку в сторону Залесья?

Внутри у Арины все похолодело. Она привыкла читать людей по микротрещинам лака и следам кисти, но этот мужик читал ее саму, как открытую книгу. И ему даже не нужен был ультрафиолет.

— Переучет, — буркнула она. — Смена климата полезна для пигментов.

— Для свинцовых белил очень полезна сырость старого флигеля, — кивнул Макар. — Ладно, твое дело. Меньше знаю — крепче сплю. Хотя спать сегодня придется плохо. Лисы любят свежую землю.

Яма наконец достигла нужной глубины. Макар спрыгнул вниз, легко, будто в детскую песочницу, взвалил тяжелого Полкана на плечо и аккуратно опустил пса на дно.

— Прощальную речь говорить будешь? — крикнул он снизу.

— Пусть земля тебе будет пухом, — быстро сказала Арина. — И спасибо, что познакомил меня с соседом-маньяком.

Они закидали яму землей вдвоем. Работа пошла быстрее, но теперь пахло не только глиной, но чем-то первобытным: мужским потом, дымом и летней ночью. Когда над холмиком вырос аккуратный курган, Макар выпрямился и хрустнул позвонками.

— Готово. Теперь пошли ко мне. Если твои городские легкие вдохнут мой медовый воздух, аллергия на пчёл пройдет сама собой. Эффект плацебо никто не отменял.

***

Дом Макара внутри оказался полной противоположностью запущенной усадьбы снаружи. Никакой пыли, паутины и икон в красном углу. Огромное пространство бывшей барской залы было превращено в идеальную лабораторию минималиста. Светлый деревянный пол, стеллажи до потолка, заставленные ровными рядами банок с янтарем, воском и сушеными травами. В центре стоял длинный дубовый стол, на котором среди деревянных рамок лежал разобранный механизм, подозрительно похожий на внутренности дрона.

— Проходи, — Макар кивнул на кресло-качалку, сплетенную из ивовых прутьев. — Чай с чабрецом?

Арина осторожно опустилась в кресло. Оно оказалось неожиданно удобным. — Что это у вас там? Дистанционный контроль пасеки?

— Почти. Тепловизор. Кто-то мои колоды ворует. Старые, тяжелые. Мед можно и из новых качать, а эти… — он махнул рукой. — Эти еще моего прадеда помнят. Рамки темные, соты дикие. За такими сейчас коллекционеры охотятся.

— Коллекционеры, — эхом повторила Арина. Слово неприятно кольнуло где-то под ребрами. — Они всегда самые опасные.

Макар поставил перед ней кружку, от которой шел густой, одуряющий аромат. Настоящий деревенский чай, заваренный в чугунке.

— Ешь, — он придвинул к ней деревянную миску со свежим хлебом и плошку меда. — Тощая, смотреть страшно. На диетах сидишь? Авокадо, киноа?

— Реставрационная пыль, — усмехнулась Арина и взяла ложку меда.

Она зачерпнула густое золото, поднесла ко рту, но замерла. На поверхности меда, переливаясь в свете керосиновой лампы, поблескивала крошечная золотистая чешуйка. Не восковая. Металлическая.

Арина медленно положила ложку обратно. Ее пальцы, натренированные держать тончайшие беличьи кисти, слегка дрогнули.

— У тебя тут… примеси интересные, — стараясь сохранять голос ровным, произнесла она. — Пиролюзит? Или гематит? Какая-то минеральная взвесь. Очень мелкодисперсная.

Макар перестал улыбаться. Он подошел к столу, взял вторую чистую ложку, тщательно зачерпнул мед из другой банки и растер каплю между пальцами. Понюхал. Посмотрел на свет.

— Железистый привкус, — глухо сказал он. — Всегда думал, это от старых гвоздей в ульях ржавеет.

— Гвозди дают оксиды железа, грубую ржавчину, — Арина встала, подошла к столу. Профессиональный азарт вытеснял страх. — А здесь… структура кристаллическая. Похоже на пудру. Где стоит ваша пасека?

— На старом кладбище, у заброшенной часовни. Там почва специфическая, красный мергель…

— Часовня какого века?

— Девятнадцатый. К чему такие вопросы?

Арина резко обернулась. В ее глазах плясали те самые сумасшедшие искры, которые появлялись только на пороге великого открытия или грандиозного скандала.

— К тому, уважаемый пасечник-социофоб, что если мы сейчас пойдем к вашей часовне с моим микроскопом, я смогу сказать вам точный год постройки фундамента, имя мастера, который расписывал стены, и состав краски, которую он использовал. Потому что ваши пчелы последние сто лет таскали в ульи не только нектар. Они таскали пигмент. Тот самый лазурит, которым пишут небо на древних иконах. Его добывали, перетирая камень в каменных ступах прямо на месте стройки. Пыль оседала на цветах.

Макар смотрел на нее долго, очень внимательно. Взгляд следователя исчез, сменившись чем-то новым, опасным и притягательным. Он медленно обошел стол, сокращая дистанцию. Арина инстинктивно сделала шаг назад и уперлась поясницей в край стола.

— То есть, — его голос стал ниже, заполняя комнату, — моя пасека — это не просто сборище насекомых. Это передвижная лаборатория НИИ Строгановского училища. А ты, девочка, которая якобы делает переучет, знаешь о старинных синих камнях больше, чем местный батюшка знает «Отче наш».

— Я просто хорошо училась, — прошептала Арина, чувствуя, как жар от огромной печи начинает опалять щеки.

— Ври кому-нибудь другому, — Макар наклонился вперед, опираясь руками о столешницу по обе стороны от нее, заключая ее в ловушку. — Городские девочки с аллергией на пчел не отличают пиролюзит от лазурита с закрытыми глазами. Кто ты такая, Арина? И что именно ты откопала в моей земле вместо Полкана?

Его губы оказались в опасной близости от ее виска. Сердце Арины пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в район кедровых сабо, которые она нашла у бабы Зины.

Секунда висела на волоске. Романтическая комедия стремительно перерастала в нечто совсем другое, горячее и липкое, как августовский мед. Нужно было срочно переводить все в шутку.

— Я эксперт по культурному наследию, — выдохнула она, зажмурившись. — А откопала я, кажется, твой топор. Кажется, нам действительно нужно сходить на кладбище. Но обещай, что если мы найдем клад старообрядцев, ты сначала похоронишь меня с почестями, а потом купишь себе новый тепловизор.

Макар тихо рассмеялся ей в волосы. Напряжение схлынуло, оставив после себя теплое электричество.

— Договорились, доктор Ватсон. Лопату брать не будем. Возьмем микроскоп. И резиновые сапоги. На кладбище после дождя чертовски грязно.

Глава 3

К старому кладбищу они шли молча. Арина несла свой рюкзак так, словно это был ящик с динамитом, а Макар шагал впереди, раздвигая заросли крапивы широким плечом.

— Только давай без этих городских штучек, — не оборачиваясь, бросил он. — Если упадешь в обморок от вида креста или начнешь читать «Отче наш» задом наперед для вызова духов, я тебя здесь и оставлю. На ужин лисам.

— Я атеистка, — огрызнулась Арина, пытаясь удержать равновесие на скользком склоне. — Меня пугают не кресты, а клещи. И почему мы идем ночью? В приличных детективах осмотр места преступления проводят днем, при хорошем освещении, желательно в присутствии понятых.

— Потому что пчелы спят, — отрезал Макар. — Днем они бы нас с тобой за твой парфюм расчленили еще на подходе к калитке. А сейчас там только сторож. Старый, глухой дед Еремей. Главное — не попадаться ему под фонарь, иначе придется жениться.

Заброшенная часовня выглядела как декорация к готическому роману: черная кладка, провалившийся купол, сквозь который равнодушно таращились звезды, и густые кусты бузины, оплетающие крыльцо. Пахло сыростью, прелыми листьями и чем-то сладковато-металлическим. Тем самым запахом из меда.

Макар остановился у покосившейся железной калитки, снял с шеи ключ на грязном шнурке и протянул ей.

— Держи. Ты эксперт по культурному наследию, тебе и вскрывать. Уголовный кодекс разрешает взлом ради науки?

— Ради спасения собственной шкуры чего только не разрешишь, — пробормотала Арина. Руки предательски дрожали, но замок щелкнул почти беззвучно.

Внутри часовни царил густой мрак. Макар достал мощный тактический фонарь, луч которого выхватил из темноты кусок стены. Арина включила свою подсветку на телефоне и подошла ближе.

Кирпич был покрыт слоем жирной черной копоти. Но если присмотреться…

— Господи, — выдохнула она, доставая из кармана складную лупу. — Это же… сажевый черный. Самый дорогой пигмент девятнадцатого века. Его делали, сжигая смолу определенных пород хвойных деревьев. А вот тут, смотри…

Она провела пальцем по стыку кирпичей. Под ногтем осталась белая пыль.

— Известь гашеная, но с примесью толченого перламутра. Макар, эту часовню строили не для крестьян. Это была тайная молельня очень богатых людей. Они буквально молились на деньги.

Луч ее фонаря метнулся выше, к остаткам фресок под потолком. Там, где штукатурка отвалилась, обнажился фрагмент крыла. Синий цвет вспыхнул в темноте глубоким, нездешним светом, даже сквозь вековую грязь. Тот самый лазурит.

— Нам нужен образец связующего, — Арина уже рылась в рюкзаке, вытаскивая крошечные скальпели и пробирки. — Мне нужно понять концентрацию пигмента в воздухе сто лет назад. Если пчелы впитывали его через росу…

— Тихо, — Макар вдруг схватил ее за локоть. Его пальцы сжались как стальные тиски.

Снаружи послышался звук. Не шелест ветра и не крик ночной птицы. Низкий, нарастающий гул, похожий на работу трансформаторной будки.

Гул исходил от развалин старого омшаника позади часовни. Тяжелый, вибрирующий, злой.

— Они не спят, — прошептал Макар. Лицо его мгновенно осунулось, став хищным и сосредоточенным. — Кто-то их разбудил.

Он оттолкнул Арину себе за спину и начал медленно пятиться к выходу, выставив вперед руку с фонарем. Луч света вырвал из темноты фигуру человека.

Дед Еремей стоял прямо посреди главного зала часовни. В руках он держал не ружье, а старый советский пылесос «Ракета», шланг которого был обмотан марлей. Шнур тянулся через весь погост к какому-то генератору. Дед методично водил трубкой по стене, собирая вековую пыль. При этом он тихо, но очень ритмично матерился.

— Ворует, сволочь! — констатировал Макар с каким-то мрачным удовлетворением. — Прямо с фрески соскабливает. Дедовским методом.

— Это же порча памятника архитектуры федерального значения! — возмутилась Арина, забыв про страх. Профессиональная гордость взыграла сильнее инстинкта самосохранения. — Статья двести сорок третья! До двух лет!

— Сейчас будет статья «Убийство реставратора пасечником», — процедил Макар. — Стоять здесь.

Он шагнул вперед. Арина вцепилась в его ремень джинсов.

— Куда?! Он псих с пылесосом, а ты идешь на него с голыми руками!

— У меня есть кое-что получше, — ухмыльнулся Макар, ныряя рукой во внутренний карман куртки.

Это был не пистолет. Это была старая армейская дымовуха. Та самая, которая дает столько густого, едкого дыма, что в трех шагах не видно собственного носа.

— Вы серьезно собираетесь травить деда дымовой шашкой?! — пискнула Арина.

— Я собираюсь спасать улики, — ответил Макар, чиркая запалом.

Раздалось громкое шипение. Комната стремительно заполнилась густым белым туманом. Послышался кашель, звон упавшего металла и отборный мат деда Еремея, тонущий в новом звуке. В этот звук вплелось сначала одиночное, а затем многоголосое, рассерженное «з-з-з-з».

Пчелы проснулись. И им категорически не понравился запах армейской химии.

Арина завизжала первой. Она врезалась спиной в стену, пытаясь закрыть голову руками, но тысячи разъяренных насекомых уже заполняли пространство. Вспыхнули два луча — синий диодный (Еремея) и желтый тактический (Макара), мечущиеся в дыму, как световые мечи в дешевом фантастическом фильме. Дед крутился волчком, отбиваясь шлангом.

— К воде! — проревел Макар, хватая Арину за шкирку, как котенка. — Бегом к пруду!

Они вылетели из часовни, пробираясь сквозь белую мглу. За спиной слышался треск разрываемой ткани — это дед Еремей, запутавшись в проводах своего пылесоса, пытался совершить подвиг.

До пруда было метров пятьдесят открытого пространства. Для обычного человека — десять секунд бега. Для двух людей, которых жалит озверевший пчелиный спецназ — марафон на выживание.

Арина бежала, ничего не видя перед собой, ориентируясь только на хриплое дыхание Макара рядом. Споткнувшись о корень, она полетела лицом вниз, но сильные руки дернули ее вверх, не давая пропахать носом глину.

— Шевели ногами, городской эстет! — орал он. — Красивые надгробия потом обсудим!

Они рухнули в воду одновременно, подняв фонтан брызг. Пруд оказался ледяным. Арина ушла с головой, хлебнула затхлой воды, вынырнула, отплевываясь, и судорожно вцепилась в торчащую из воды корягу. Макар выматерился, ушел под воду с макушкой, всплыл в облаке ряски и шумно вдохнул.

Тишина обрушилась на них внезапно. Жужжание стихло. Пчелы улетели вновь охранять свои границы у часовни. Вода вокруг парила.

Арина сидела в камышах, мокрая, грязная, в разорванной на плече футболке. Зубы выбивали дробь, которую не могла унять даже адреналиновая дрожь. Макар подплыл ближе. Вода стекала с его волос на подбородок. В лунном свете его кожа казалась бледной, а глаза — абсолютно черными.

— Ты жива? — спросил он. Голос сел и звучал низко, бархатно.

— Кажется, — прохрипела Арина. — У меня в лифчике ил. И один утопленник на расстоянии вытянутой руки. Романтика просто зашкаливает.

— Ил полезен для кожи, — совершенно серьезно заявил Макар. Он сделал движение в воде, сокращая дистанцию между ними до опасного минимума. Холодная вода вдруг показалась Арине кипятком. — А утопленников я обычно целую. Для проверки пульса. Где-то здесь…

Его ладонь легла ей на шею. Мокрые, холодные пальцы коснулись сонной артерии. Арина замерла, боясь дышать. Сердце билось так громко, что пульс под его пальцами наверняка отдавался набатом.

— Пульс есть, — констатировал Макар. — Частит. Как у зайца.

Он наклонился ниже. Капля воды сорвалась с его ресниц и упала ей на губы. Соленая, пахнущая тиной. Расстояние исчезло.

Арина закрыла глаза, готовая принять неизбежное, простить ему топор, мертвого Полкана и дымовую шашку. Губы Макара были в сантиметре от ее собственных.

В кармане его куртки, лежащей на берегу, требовательно и мерзко завибрировал телефон.

Они отпрянули друг от друга так резко, будто вода закипела. Макар чертыхнулся, выпрыгнул на берег, оставляя мокрые следы на песке, и вытащил аппарат.

Экран осветил его лицо. Он посмотрел на дисплей, и вся краска схлынула с его загорелой кожи. Он стал серым, как пепел.

— Что? — Арина тоже вылезла на берег, кутаясь в остатки одежды.

— Кто это?

Макар поднял на нее взгляд. В его глазах больше не было ни капли романтики. Только холодный, тяжелый ужас.

— Это курьерская служба, — деревянным голосом сказал он. — Пришла посылка. На имя бабы Зины. Большой деревянный ящик. Из Петербурга. С пометкой «Хрупкое. Осторожно. Образцы древних пигментов».

Глава 4

Макар стоял на берегу, сжимая телефон так, что побелели костяшки. Арина выбралась из воды, чувствуя себя русалкой, которую переехал трактор. Мокрая футболка облепила тело, в кроссовках хлюпало болото, а прическа напоминала воронье гнездо, набитое тиной.

— Какая посылка? — переспросила она, стуча зубами уже не от холода, а от подступающей паники. — Зинаида Петровна сейчас глотает камни в районной больнице. У нее даже паспорта с собой нет, какой курьер?

— Это не курьер, — глухо ответил Макар, проводя рукой по лицу. Вода стекала по его шее, исчезая за воротом мокрой рубашки. — Это служба доставки «Грузовой орел». Спецрейс. И если они привезли это сюда, значит, мой камуфляж мертвого человека только что провалился.

— Твой что? — Арина сделала шаг к нему, поскользнулась на корне и непременно упала бы обратно в пруд, если бы Макар не поймал ее за предплечье. Его хватка была жесткой, профессиональной.

— Неважно. Важно то, что в ящике из Петербурга. Ты сказала «образцы пигментов»?

— Да! То есть… я заказывала их до того, как все полетело к чертям. Для работы. Старые лазуриты, киноварь натуральная… — Она осеклась, глядя на его лицо. — Подожди. Ты думаешь, твой коллекционер нашел меня через транспортную компанию?

— Я думаю, что твой коллекционер знает о тебе всё, — он отпустил ее руку, достал из кармана джинсов складной нож и со щелчком открыл лезвие. — А я знаю короткую дорогу. Беги к моему дому. Запри дверь. Залезь на чердак, там есть люк в сенник, зарывайся в сено и дыши через тряпку. Если услышишь голоса или…

— Или ты начнешь размахивать ножом перед грузовиком транспортной компании? — перебила Арина. Холод отступил, сменившись ледяной яростью. — Стой. Мы бежим? Серьезно? Меня чуть не съели пчелы ради вот этого?! Ради того, чтобы я умерла от пневмонии в твоем сеннике?!

Она ткнула его пальцем в грудь. Вернее, попыталась ткнуть — палец уперся во влажный хлопок, скрывающий стальные мышцы.

— Я реставратор! — шипела она, брызгая водой. — Я пережила аттестационную комиссию Министерства культуры! Я видела, как плачет директор Русского музея! Я не буду прятаться в соломе, пока какие-то мужики непонятные будут решать мою судьбу!

Макар смотрел на нее сверху вниз. На его губах медленно расползалась улыбка — та самая, опасная, от которой у нормальных женщин должны подгибаться колени. У Арины подогнулось одно колено, но она списала это на переохлаждение.

— Ты чокнутая, — констатировал он с явным одобрением. — Городская, истеричная, абсолютно лишенная инстинкта самосохранения сумасшедшая девчонка.

— Спасибо, я старалась, — фыркнула она. — Так мы идем встречать груз или будем обсуждать мои психические отклонения? Учти, если мы опоздаем, возьмут плату за хранение. У меня наличных рублей двести и карта, которая здесь бесполезна.

***

У дома бабы Зины урчал огромный белый рефрижератор. Он выглядел на залесских ухабах как инопланетный корабль, приземлившийся посреди картофельного поля. Из кабины выглядывал водитель — квадратный мужчина в желтом светоотражающем жилете.

— Бабуля где? — басовито спросил он, вытирая пот со лба. — Мне разгружать эту дуру одному несподручно. Полтонны весит. Сказано было: встретить лично, расписаться кровью.

— Кровью — это лишнее, — раздался голос Макара откуда-то сбоку. Он возник из-за угла сарая бесшумно, словно растворился в вечернем тумане. — Расписаться можно почерком покойной. Где коробка?

Водитель смерил взглядом сначала Макара с топором (который тот успел прихватить), потом вышедшую из-за его спины Арину, похожую на жертву кораблекрушения в элитном бутике.

— Вы оба в своем уме? — подозрительно прищурился мужчина. — Документы покажите. И бабулю позовите.

— Бабуля скончалась от восторга, увидев вашу машину, — сладко пропела Арина, выступая вперед. Ее зубы больше не стучали. Сейчас она играла свою главную роль — капризной, всемогущей столичной дивы. — Молодой человек, вы задерживаете государственную экспертизу. Этот ящик опечатан Министерством культуры. Вы хотите, чтобы я позвонила прямо сейчас куда следует и спросила, почему простой перевозчик хамит археологической миссии ФСБ?

Водитель моргнул. Желтый жилет вдруг показался ему тесным. Министерство культуры и ФСБ в одном предложении звучали как смертный приговор без права переписки.

— Так я ж чего… — забормотал он. — Мне сказали вручить под роспись… Вон она, ваша экспертиза. Аккуратно вез.

Ящик действительно был огромным, сколоченным из свежего дерева и перетянутый металлическими лентами. На боку красовался логотип лаборатории спектрального анализа. И адрес получателя: «Залесье, ул. Заречная, д. 10. Зине».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.